

ОЛЬГА ДОВГИЙ

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Факультет журналистики

**ОСЬ «МОЛОДОСТЬ/СТАРОСТЬ»
В САТИРАХ АНТИОХА КАНТЕМИРА
В СВЕТЕ МИКРОФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

**"Youth/Old Age" Arbor in A. Cantemir's Satires in Light of
microphilological Analysis**

The paper is the latest experience in the series of analitic investigatin of Cantemir's satyres on microlevel and is devoted to one of the main oppositions - "youth/old age". Thesaurus analysis of lexical-semantic fields, grammar, metaphorical codes, rhetorical devices makes evident the laws of the internal symmetry and close interrelation of all key oppositions on which the whole structure or satyrs rests.

Keywords: A. Cantemir, Satires, System of Key Oppositions, Youth/Old Age

Одним из возможных подходов к сатирам Кантемира, если понимать их как единый текст, является тезаурусный анализ системы универсальных оппозиций, лежащих в основе всей конструкции. Настоящая статья представляет собой очередной опыт такого анализа¹.

Эта оппозиция соответствует любимому приему Кантемира водить «с края на край» (как в пространственном, так и во временном отношении) и синонимична другой любимой его оси – «начало/конец». Оптические возможности этой оппозиции практически безграничны. Она напрямую связана со всеми основными линиями, на которых держится здание сатир: жизнь/смерть; зрелость/незрелость;

¹ Принципы анализа сатир как единого текста сквозь призму системы ключевых оппозиций изложены нами в ряде работ. См.: Довгий Ольга: «Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. Москва, 2012; Довгий Ольга: Оппозиция «правда/ложь» в сатирах А. Д. Кантемира: микрофилологический подход, w: *Prawda i kłamstwo. Problematyka. Interpretacje. Konteksty*. Redakcja tomu Danuta Szymonik, Walentyna Krupowies, "Conversatoria Litteraria" Międzynarodowy Rocznik Naukowy. Siedlce – Bańska Bystrzyca 2016, s. 39-54.

ум/глупость; предки/потомки; родители/дети; вера/неверие; знание/незнание; память/забвение; вера/неверие; «старое/новое» и т.д.

На эту ось можно смотреть с разных ракурсов – и разной она будет представлять в зависимости от настройки «микроскопия» глаза смотрящего. Изменение оптики, позволяет увидеть, что эта внешне единая ось состоит из отрезков под названием «младенчество», «детство», «старость», а дальнейшее микрофилологическое углубление показывает в деталях жизнь людей, соответствующих этим категориям, – детей, юношей, стариков; а идя еще дальше, мы видим, что эти отрезки оси связаны друг с другом сложными отношениями – они то разделяются на новые оппозиции, то закольцовываются. Особый интерес представляют крайние точки: детство и старость как самые близкие к небытию.

В сатирах представлены все возрасты человека – от младенца до старика. Кантемир – подробный автор: он всему хочет «знать повод, причину»; показывает весь путь человеческой жизни в самых неожиданных ракурсах.

Самое главное, с точки зрения Кантемира, – это связь возраста с декорумом. «Всему пора, всему свой миг», – так век спустя сформулирует проблему Пушкин. У каждого возраста свои приличия. Кантемир – поэт разделения: молодость – это молодость; старость – это старость. Есть кодекс поведения молодого человека и есть кодекс поведения старика. Смешение их, как увидим далее, вызывает смех. По сути, все сатиры – рассказ о различных нарушениях декорума, в частности – возрастных. Сатиры являют читателю череду таких смешных юношей и стариков, не желающих признавать власть возраста. Как ни велик соблазн подробно остановиться на ярких персонажах, мы этого делать не будем²; они будут нас интересовать как разные формы воплощения молодости и старости.

Молодость

Молодость понимается Кантемиром очень широко и никаких точных границ не имеет. В эту категорию попадают и младенцы, и дети постарше, и подростки, и юноши, сюда входит и 30-летний Автор. У Кантемира еще нет привычного для нас деления на детство,

² О приемах описания стариков и молодых мы подробно рассказали в книге: Довгий Ольга: «Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа. Москва 2012.

отрочество, юность, но наличие этапов молодости, очень быстро сменяющих друг друга, налицо. И есть формула «прийти в возраст» – как знак окончания молодости:

Сын, в возраст пришед...³
(VII)

Слов для обозначения молодого человека и ребенка много: «младенец», «дитя», «дети», «ребята», «молодик», «молокосос», «сын», «дочь», «внук». Они различаются по своей семантической окраске, по тематическим рядам и оппозициям, о которых напоминают. Для новорожденного ребенка есть поэтическое выражение, вызвавшее восторг К. Н. Батюшкова, – «новый житель света». Пора юношества определяется метафорически: «утро возраста», «весна жизни», «дни златые».

«Младенчества лета»

Мы видели, что слов для обозначения ребенка много, но подробных рассказов об отдельных детях практически нет. И это не случайно. В системе Кантемира детство – это чертеж, заготовка, план. Это особое время, требующее, по мнению Кантемира, самого большого внимания.:

Каково б с природы рук сердце нам ни пало,
Есть, есть время некое, в коем злу немало
Склонность уйдем, буде всю истребить не можем,
И утвердиться в добре доброму поможем, –
Время то суть первые младенчества лета.
Чутко ухо, зорок глаз новый житель света
Пялит; всяка вещь ему приметна, все ново
Будучи, все с жадностью сердце в нем готово
Принять: что туды вскользнет, скоро вкоренится,
Буде руки приложить повадка потщится;
На веревке силою повадки танцуем. ... (VII).

Детство – это золотое время для воспитания. Отношение ребенка к миру, его готовность к восприятию любых впечатлений

³ Сатиры Кантемира цит. по: Кантемир Антиох: *Собрание стихотворений*. Ленинград 1956. В тексте в скобках указывается номер сатиры.

выражено любимым кантемировым глаголом с семантикой расширения – «пялить». Ребенок описан к категориям синекдохи (он весь ухо, глаз); он – вход для всего нового, как доброго, так и злого. Он чуток, зорек, нов - краткие быстрые прилагательные характеризуют обостренные способности ускоренного восприятия. Младенец воспринимает действительность ухом, глазом, сердцем - причем приоритет отдается зрению:

Относят к сердцу глаза весть уха скоряе...
(VII)

Главное для воспитателя в это время — сделать отбор: чтобы в сердце пустить корни могло только добро. Здесь начало растительной метафоры при описании возраста: в детстве все новое должно «вкорениться» в сердце; в конце жизни будут плоды. Изображая движение по пути от младенчества к старости, Кантемир показывает два параллельных процесса: развитие сердца и рост ума. О становлении ума тоже рассказано в категориях растительной метафоры, заданной в первой же фразе сатир:

Уме недозрелый, плод недолгой науки!..
(I)

В споре природы и воспитания Кантемир на стороне воспитания:

Большую часть всего того, что в нас приписуем
Природе, если хотим исследовать зрело,
Найдем воспитания одного быть дело...
(VII)

По его схеме, «сердце падает с рук природы» – и дальше за дело берется совокупный воспитатель (особенно родители и слуги), вкореняющий в это сердце добрые повадки (это очень важное и очень любимое Кантемиром слово). Сила примера — вот на чем, по Кантемиру, держится воспитание:

Пример наставления всякого сильнае...

Среди воспитателей, подробно, показанных в сатирах, – отцы, матери, бабушка, слуги. Примеры, которые они подают, – в основном отрицательные. В результате дети часто получаются «шальные»; из них потом выходят столь же «шальные» взрослые, а затем и старики.

Всю совокупность кантемировых взглядов на воспитание можно свести к формуле, тоже использующей топику зрения - необходимости «поберечь младенцев глаз», скрывать от него дурные примеры:

Нельзя ль добрым быть? - будь зол, своим не к изъяну;
Изряднее всякого убежать порока
Нельзя ль? - укрой лишнего от младенча ока...

(VII)

Еще один острый вопрос: является ли сам возраст воспитателем? Возникают ли добрые повадки автоматически при вступлении в определенный возраст или для этого нужна активная работа воспитателя и самого человека? Кантемир, как всегда, дает разные ответы, позволяет увидеть проблему с разных сторон – мы это увидим в дальнейшем.

С раннего детства должно начинаться и воспитание монарха:

Нужно ж много и тому, кто рулем владеет,
Искусств и свойств, с самого укрепленных детства...

(II)

Дети в иерархии

Это очень важный вопрос, напрямую связанный с оппозицией «свой/чужой» и необходимостью «поберечь младенцев глаз». Именно глаз своего ребенка, а не чужого человека нуждается в том, чтобы от него укрыть «малейшу нечистоту» (разумеется, и нравственного порядка):

Гостя ближе дети,
Большу бережь ты для них должен бы имети...

(VII)

Слепое дитя

В жизнь персонажей сатир постоянно активно вмешивается некое «слепое дитя». С точки зрения общей системы Кантемира, это оксюморон: ведь обычный ребенок отличается остротой зрения. Слепое дитя – эмблематический, не взрослеющий, не меняющийся купидон противопоставлен человеческому младенцу, с его зорким глазом и быстрыми переменами возрастных фаз. «Любовь, Купидин, сын Венерин, бог любви, изображается у древних младенцем, которому глаза завязаны, и то для того, что любовь слепит людей так в выборе лица любимого, как и во всех поступках», – поясняет Кантемир в комментариях.

Дети, ребята

Это следующий этап за младенчеством; временные его рамки четко не определены. От младенца, умеющего только воспринимать, детей отличает способность самостоятельно действовать и показывать, как ими воспринят пример воспитателей. Иначе говоря – начинается время отдачи, сбора плодов.

Интересно, что воспитание ума касается только представителей мужского пола. Женщины (за исключением императрицы) в сатирах обрисованы негативно. В 3-й сатире Лонгин расскажет о своих детях принципиально разное. Про младшую дочь – что у нее режутся зубки (зато очень подробно):

Хоть больну быть новыми зубами дочь знаешь:
Четвертый уже зубок в деснах показался,
Ночь всю и день плачется; жар вчера унялся

Про старшую – что ее выдают замуж:

Другую замуж дает, жених знатен родом,
Богат, красив и жены старее лишь годом.
Приданое дочерне опишет подробно,

Подробно описано все (жених, приданое), кроме самой дочери. И это тоже художественный прием. Если подробный Кантемир чего-то НЕ описывает – стоит задуматься, почему. Зато о сыне тот же Лонгин с гордостью сообщает массу подробностей.

В рассказах о читающих детях нельзя не отметить любимых кантемировых приемов: метафоры следа и грамматической оси множественного/единственного числа. В первой сатире мы слышим осуждающее мнение Критона о детях, сошедших с «праотеческого следа» и пошедших по новому пути (фактически указанному Петром). Чтение Библии трактуется врагами наук как «соблазн для церкви», причина ослабления веры и знак потери добрых нравов:

Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину...

(I)

А в 3-й сатире услышим уже об одном, конкретном ребенке, сыне Лонгина, который «топчет отцовские следы» и овладевает основами наук. Если отец

В деревне своей копать начал.... пруд новый,
Тому тотчас, иль чертеж с кармана готовый
Вытаща, под нос тебе рассмотреть положит...

то и наследник его:

Сын меньшей, недавно
Начав азбуку, теперь чтет склады исправно...

(III)

Молодость — надежда — науки

Эта триада — одна из сквозных в сатирах. Часто к ней добавляется четвертый член — **молодой монарх**. Главный положительный пример, как и в других областях, — Петр, мудрый отец, давший детям идеальную программу: начинать воспитывать с младенчества, создавать училища для воспитания ума и сердца, подавать личный пример, не бояться перенимать у других народов их достижения:

И знал то высшим умом монарх одаренный,
Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
Когда труды его нам в пользу были нужны.

Училища основал, где промысл услужный
В пути добродетелей имел бы наставить
Младенцев; осмелился и престол оставить
И покой; сам странствовал, чтоб подать собою
Пример в чужих братьях то, что над Москвою
Сыскать нельзя: сличные человеку нравы
И искусства. Был тот труд корень нашей славы:
Мужи вышли, годные к мирным и военным
Делам, внукам памятни нашим отдаленным...

(VII)

Тему надежды на молодого монарха развивает и пассаж
о Петре втором:

Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтяща свою свиту
Видал его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно...

(I)

Но не случайно у Кантемира «надежда» неоднократно рифмуется с «невеждой» (у Пушкина эта рифма встретится не раз). Отношение к наукам тоже дает оппозицию. Крайние ее точки определяются следующими формулами:

...за одним ночь пятном не слать целу,
За любопытством одним лишиться покоем,
Ища, солнце ль движется, или мы с землею...

и

Землю в четверти делить без Евклида смыслим,
Сколько копеек в рубле - без алгебры счислим...

Основной урок сатир: любому делу нужно долго учиться; и учиться с младенчества. Вот, например, как описывает Кантемир в примечаниях морскую службу: «Труды морской службы столь велики, что в самом деле должно с самого младенчества к ним привыкать, чтоб могли казаться сносны. Между прочим, известно, что движением

корабельным сердце мутится у тех, кои измолода к тому движению не приобькли». Ключевые слова здесь – «с самого младенчества обькать», чтобы воспитать «повадку».

Юноша

Синонимы: молодик, молокосос.

Чем дальше ведет Кантемир читателя по возрастной тропе – тем многочисленнее и разнообразнее делаются примеры. Молодость – это уже время плодов; время проверки, какие повадки вкоренились в сердце и ум.

Главная мысль сатир – люди «без конца различны». Различны примеры, подаваемые детям, – различны и плоды. Многообразны пути, по которым идут юноши.

Молодость – это соблазны. Можно им уступать или с ними бороться. Синонимом этой оппозиции будет другая: книги против вина. Кто-то из молодых людей выбирает «стакан» и «содружество»; кто-то книги и общество «мертвых друзей».

Выбравший вино автоматически выбирает веселье, общество, дружбу:

Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей - живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?
В веселье, в пирах мы жизнь должны провождати:
И так она недолга - на что коротати,
Крушиться над книгою и повреждати очи?
Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи?
(I)

Тех, кто выбирает путь вина, больше. У представителей «золотой молодежи» есть собственный кодекс поведения, есть четкие представления о декоруме. Вот что нужно для того, чтобы считаться умным:

Коли кто карты мешать, разных вин вкус знает,
Танцует, на дудочке песни три играет,
Смыслит искусно прибрать в своем платье цветы,
Тому уж и в самые молодые леты
Всякая высша степень – мзда уж невелика,
Семи мудрецов себя достойным мнит лика... (I)

Подробнее всех в этом ряду описан Евгений из 2-й сатиры, «новый Нарцисс», чьим уборам «дивится племя ему подобных».

Итак, что же входит в канон поведения светского молодого человека? Главный принцип – не бороться с соблазнами, а уступать им. Вино, танцы, модная одежда, служение «жаркой любви» (Евгений любит «опирать щеки на грудь белу»), сочинение и исполнение любовных песен (Евгений «на дудочке песни три играет»).

Кантемир совершенно определенно говорит, что любовные песни – время молодости:

Довольно моих поют песней и девицы
Чистые, и отроки, коих от денницы
До другой невидимо колет любви жало.
Шуток тех минулося время, и пристало
Уж мне горько каяться, что дни золотые
Так непрочо stráтил я, пиша песни тые.
Кои в весне возраста жаркой любви служат,
Как невольники в цепях, - пусть о себе тужат...

(IV)

Молодость и любовь, молодость и творчество связаны напрямую. Как и молодость и мода. Но мало кто умеет соблюдать золотую середину. Кантемир дает немало печальных примеров. Например, юноша «берет бабу в сорок лет» – и она им управляет с несказанным самовластием. Каждая из этих линий получает в сатирах развитие. Даже линия женского воспитания: от меньшей дочери Лонгина, у которой режутся зубки, к Сильвии, которая «круглу грудь редко покрывает», следуя примеру матери, и, наконец, к бабушке Савки, известной лгунье.

Те, кто выбирает книги, науки, обрекают себя на постоянную борьбу с соблазнами. Путь созревания ума часто требует уединения, «сидения в углу», что совершенно не вяжется со светским канонам поведения молодого человека. В каком-то смысле это нарушение возрастного декорума со всеми вытекающими отсюда последствиями. Единственная награда здесь – внутреннее осознание собственного роста:

Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,

Кто в тихом своем углу молчалив таится;
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую...

(I)

Следование канону в глазах света причисляет молодого человека к мудрецам, чей ум растет сам собой. Нарушение канона, направленное именно на воспитание, на рост ума, расценивается как глупость. Так проявляется перевернутый мир сатиры.

Есть в сатирах и указание на собственный возраст автора:

...еще я тридцатый
Не видел возврат зимы...

Отметим, что Кантемир измеряет возраст не годами, а зимами.

Приметы молодости: отсутствие седины («еще черноватый/ Ни один на голове волос не седеет...»); «завитые кудри», модная одежда, отсутствие собственных детей («Хоть могу быть не отец...»).

Итак молодость – это уверенное следование по выбранному пути, использование накопленных привычек.

Старость

Старость – это время подведения итогов, сбора плодов. Какова была жизнь – такова и старость.

Старость может быть спокойной – тогда это награда за праведную жизнь. В комментариях Кантемир цитирует Горация: «Суждена ли мне спокойная старость, или смерть уже покрывает меня своими мрачными крыльями, богач или бедняк, в Риме или в ссылке, буде так прикажет судьба, каким бы цветом ни была окрашена моя жизнь – я буду писать».

Однако старика, могущего служить положительным примером, в сатирах найти трудно – и это естественный вывод из всего содержания: если на многочисленных примерах изображается неправильное воспитание с рождения, потом далекая от стези добродетели жизнь – откуда же взяться примерной старости?

Многочисленные старики в сатирах служат для иллюстрации нарушения декорума. Их поведение отличается от предписанного приличиями и вызывает смех или возмущение.

Старость может восприниматься по-разному: *как ценность* или *как немощь*. Любимый троп Кантемира – синекдоха. Старость узнается по приметам. Часто одни и те же приметы вызывают разное отношение.

Седина, борода, очки – вот приметы старости.

Главная из них – седина. «Седина – старости знак, и часто говорим о человеке, который из дня в день слабеет и сохнет, что он тает», – пишет Кантемир в примечаниях.

Эпитет «седой» может применяться не только к человеку, но и к миру: «Свет уже сед тает».

Старость как ценность

Ее приметы должны восприниматься как украшение и вызывать уважение:

...приступил ко мне старик сановитый,
Седою красен брадой, брюхом знаменитый...
(V)

В описании этого старика ценность бороды усилена ее сединой.

К приметам старости-ценности относятся воспоминания. По тому, что человек помнит, можно судить о его возрасте. Часто возраст подан гиперболически, что служит знаком кантемировой иронии, обычной при описании стариков в сатирах: «Сии два приключения, сиречь мор в Москве и Чигиринский поход, стихотворец напоминает как дела, кои показывают старость человека, о котором здесь слово идет».

Старость может выступать в роли мерила ценности и своего рода капитала; старостью можно считаться:

И дворянства старостью считаться с тобою...

Можно уважать человека просто за наличие седины («чтительных сединой»), а можно не обращать на нее внимания: «Ни седина честна, ни святость сана. Т. е. ни старость, ни чин освященной особы».

Старик может обозначаться метонимически словом «возраст»:

Ни возраст, ни чин, ни друг, ни сам ближний кровный
Язык Созимов унять не может злословный...

(III)

Старость как бремя

Если старость не воспринимается как ценность, то в качестве главной ее черты выступает дряхлость. И ее приметой выступает отсутствие чего-то – например, зубов.

Седина в этом случае может трактоваться как утеря волосами цвета.

«Сед, беззуб и весь уж дряхл», – классическое описание старика
Старость может съесть человека:

В котором лета весь вид человека съели...

Вот какое примечание дает Кантемир к этим словам: «Которого старость так уже изнурила, что человеческое подобие в нем насилу осталось».

В старости утрата физических качеств может компенсироваться приобретением материальных или моральных благ: человек может наконец достичь важных чинов, за которыми гонялся всю жизнь: «...к цели твоей весь дряхл добежати».

Дряхлость не помеха повадке: человек по инерции может продолжать жить в привычном темпе и ритме, может «сед, беззуб и весь уж дряхл» садиться на корабль, чтобы ехать в дальние страны за товаром.

Старость – это и отношение к смерти. Оно тоже может быть различным в зависимости от прожитой жизни. Шедший по пути добродетели человек будет «неизбежную ждать бесстрашно кончину».

Те, кто вел шальную жизнь, и перед лицом смерти не меняются. См. описание двух «столетних стариков» в седьмой сатире, из которых один нарушает декорум и совершенно не думает о смерти, а другого интересуется только внешняя сторона обряда похорон.

Дает ли старость какие-то преимущества? Разные персонажи дают повод ответить по-разному.

Интересно посмотреть, как соотносятся между собой разные отрезки оси «молодость/старость».

«Младенство»/«старость»

Эти две крайние точки оси очень важны в сатирах как означающие начало и конец краткой человеческой жизни:

Да лих человек, родясь, имеет насилиу
Время оглядеться вокруг и полезть в могилу;
И столь короткий живот еще ущербляют
Младенство, старость, болезнь; а дни так летают,
Что напрасно будешь ждать себе их возврату.
(Кантемир)

Характерно, что обе даны как «ущербляющие живот» наряду с болезнями. Получается, что в системе Кантемира эти эпохи не относятся к активной жизни. И уже этим исключением из процесса смыкаются меж собой. Младенчество – это вход. Старость – это выход. Поэтому логично ждать обратной симметрии топики и метафорики.

Острота зрения. У младенца «зорок глаз»; у старости – «слабы взгляды».

Глазам нужна помощь. Очки - не только помощь глазам, но и знак. Они должны внушать уважение

Зубы. У младенца они появляются (см. описание дочери у которой четвертый зубок в деснах показался); у старика выпадают (считается большой победой, если старики «зуба три сберечь могли за губами»). Отметим кантемирову точность и симметрию даже на уровне столь мелкой детали, как число зубов: три и три.

Ум. Старик-дитя умом:

...не умен: в шестьдесят лет молод,
Еще дитя, под начал отдать можно дядьки,
Чтоб лозою злые в нем исправил повадки...
(VI)

Итак у младенца и старика нет зубов, нет ума. Возникает временная оппозиция «еще/уже».

Юноша/старик

Если младенчество и старость воспринимаются скорее по сходству, то юношество и старость, безусловно, нужно описывать в режиме контраста.

Внешность. «Черноватый волос»/седина. Старик считает, что уже само наличие седины дает право на почтение.

Спор об уме.

Здесь встречаются два взгляда на процесс развития: отношение к возрасту как к воспитателю (все привычки, повадки, знания появляются в нужное время сами собой) против воспитания как сложного, контролируемого процесса; ум растет сам собой или «не растет месяцем и годом». Спор возраста и «искуса» (учения, воспитания) показан в очень ярких красках – и в разных вариантах. Заметим, что одержать победу в споре очень помогает просто факт наличия богатства и знатности.

Вариант первый: дерзкий, невежественный, но принадлежащий к высшему свету юноша одерживает победу над стариками:

На ловле с младенчества воспитан с псарями,
Век ничему не учась, смелыми словами
И дерзким лицом о всем хотел рассуждати
(Как бы знанье с властью раздельно бывати
Не могло), над всеми свой совет почитая
И чтительных сединой молчать заставляя,
Хотя искус требует и труды и лега...

(V)

Вариант второй: искусный в науках молодой человек не может убедить стариков заставить себя слушать:

"Напрасно, молокосос, суешься с советом".

И дело он говорит: еще я тридцатый
Не видел возврат зимы, еще черноватый
Ни один на голове волос не седеет;
Мне ли в таком возрасте поправлять довлеет
Седых, пожилых людей, кои чтут с очками
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнят мор в Москве и, как сего года,
Дела Чигиринского скажут похода?
Напрасно охрип бы я, доводя доводом,
Что ум в людях не растет месяцем и годом;
Что хотя искус дает разуму подпору,
И искус можно достать лише в поздню пору,
Однак как время того, кто не примечает

Причины дел, учинить искусным не знает,
Так прилежность сильна дать искус в малы лета.
Презренны слова мои будут без ответа,
И свет, почти весь упрям, всегда верить станет,
Что старик трех молодых разумом потянет...

(VII)

Фактически это перифраз молчалинской формулы, которая родится через сто лет: «В мои лета не должно сметь/ Свое суждение иметь...».

Посмотрим на риторические стратегии спорящих. У обоих они направлены на корректировку возраста с помощью гиперболы. Старик стремится приуменьшить возраст юноши, презрительно называя его молокососом – т.е. младенцем, совсем лишенным разума. А юноша – наоборот – иронически увеличивает возраст старика путем упоминания очень древних событий, которые тот якобы помнит, – что косвенно служит той же цели: объявить собеседника выжившим из ума. Как видим, цель одна: дать понять что собеседник лишен ума (либо еще не набрался, либо уже растерял) – иначе говоря, свести пару «старик-юноша» к паре «старик-дитя».

Но есть различия в тактике. Старик просто прибегает к оскорблению: для 30-летнего человека слово «молокосос», безусловно, обидно. А Автор, как человек искусный в науках, использует тонкую иронию: описывает все приметы старости, которые можно и нужно читать двояко. С точки зрения старцев, седина, очки должны вызывать уважение. С точки зрения молодости, это знаки дряхлости и немощи; не случайно упомянуто отсутствие зубов – причем этот факт тоже обыгран изощренно: не сказано, что зубов нет; а формально вроде бы даже похвала («смогли сберечь»), а на деле издевка – «зуба три». Кантемир приводит все обычные аргументы в споре молодости и старости об уме; не забывает и аргумент количественный: один старик умом сильнее трех вместе взятых юношей.

Кантемир – великий мастер симметрии. И «молокосос» не останется без ответа – вспомним шестидесятилетнего старика, «дитя умом», которого нужно отдать на воспитание дядьке. Если тридцатилетний Автор назван молокососом – то такого же прозвания достоин и старик, ровно вдвое старший по возрасту.

Нарушение декорума

Приведем лишь один – но очень яркий пример: старик, попавший в любовные сети и лишившийся ума:

Другой, удаляйся брака, в любви сети
Не умнее впутался, бесперечь вздыхает,
Ночь целую не спит, с глаз, с ума не спускает
Причину язвы своей; весел, скорбен сряду;
Зависит покой его от словца, от взгляду;
Седые кудри свои холит, вьет и мажет,
Цветными до пят себя тесьмами развяжет,
Песни пишет и поет; сгорбясь, танцы водит;
...Все видят обман – один он, как мышка, гнется
В когтях кошки, но себе льстит, собой доволен...

(V)

«Седые кудри» – скрытый оксюморон: седина – признак мудрости (старик должен быть «читителен сединой»), а кудри – признак щеголя; из соединения несоединимого, из гротескного кантемировского описания и родится пушкинская формула:

Смешон и ветренный старик...

Этот ветренный старик весь из оксюморонов; он смешон нарушением приличий, соответствующих возрасту. Не случайно Кантемир выбирает для его описания глаголы и деепричастия с семантикой сгибания от возраста («сгорбясь», «гнется») в соединении с существительными молодости («песни», «танцы»).

«Холит, вьет и мажет» – плеоназм, потому что и просто «кудри» для старика неприличны, а он еще углубляется в смешное, комически зеркала действия Евгения из второй сатиры.

Цвет тоже работает на создание комического эффекта: возникает оппозиция «седина»/«цветные тесьмы».

Отметим симметрию и на уровне топики: старик «сам себя вяжет»; а в 4-й сатире Автор заявляет:

Я отвык себя ковать своими руками...

Безусловно, добровольное связывание себя не является знаком ума.

Автор, придя в определенный возраст, говорит о своем окончании службы «слепому дитяти» – Купидону:

...Если веселить меня собою не знает,
Тотчас с ним расстануся; с ним уж водить дружбу
В лишны я часы готов, но не сулю службу...

А выживший из ума старик начинает служить Купидону именно в том возрасте, когда, с точки зрения декорума, это неприлично.

Старик пишет и сам поет песни – это тоже смешно и неумно. В 4-й сатире было сказано, что любовны песни писать можно только в раннем возрасте.

Этот старик ведет себя согласно кодексу молодого человека из 1-й сатиры (прибирает цветы в платье, поет, танцует). Но если молодой человек, выполняющий все эти условия, приравнивается к семи мудрецам, то старик, танцующий и поющий, заставляет сомневаться в его уме.

Нарушающий декорум старик разумом сравнился с малым ребенком и по собственной воле вяжет себя и служит Купидону. А поскольку от любви он слеп – то получается своеобразная диафора: одно слепое дитя (выживший из ума старик) служит другому.

Так замыкается круг. «Новый житель света» «пялит» «зоркий глаз»; покидающий мир старик слепо служит «слепому дитяти».

Заметим, что все параллели к рассказу о влюбленном старике возникают у внимательного читателя сатир сами собой – просто потому, что в сатирах все симметрично и зеркально.

Мы бросили очень беглый взгляд на ось «старость/молодость», но и его достаточно, чтобы увидеть, насколько тесно она связана с остальными осями и всей энциклопедически обширной топикой сатир. И лишний раз убедились в необходимости создания подробнейшего многоуровневого тезауруса, который позволит раскрыть все тонкости внутренней симметрии, ускользающие при пробегании сатир поверхностным взглядом.

ЛИТЕРАТУРА:

Довгий Ольга: *Оппозиция «правда/ложь» в сатирах А. Д. Кантемира: микрофилологический подход*, w: *Prawda i kłamstwo. Problematyka Interpretacje Konteksty*. Redakcja tomu Danuta Szymonik, Walentyna Krupowies, "Conversatoria Litteraria" Międzynarodowy Rocznik Naukowy. Siedlce - Bańska Bystrzyca 2016, s. 39-54.

Довгий Ольга: *«Развернуть старика...»: Сатиры Кантемира как код русской поэзии. Опыт микрофилологического анализа*. Москва 2012.

Кантемир Антиох: *Собрание стихотворений*. Ленинград 1956.